

архитектурная археология

architectural archeology

№ 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Вл. В. Седов

МОСКВА

Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря*

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев

Начало изучению эпиграфического комплекса Георгиевского собора Юрьева монастыря было положено Т. В. Рождественской, опубликовавшей около двух десятков надписей-граффити из лестничной башни собора¹. В 2007 г. И. Ю. Анкудиновым и Е. В. Гордюшенковым была осуществлена сплошная фотофиксация граффити лестничной башни и описана их топография. В 2010 г. надписи были дополнительно отсняты авторами статьи для уточнения чтений. Для нескольких граффити Лабораторией RSSDA в 2018 г. были изготовлены трехмерные модели. На этой документальной базе в настоящее время ведется подготовительная работа над сводной публикацией надписей собора, которая должна включить также граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденные при археологических раскопках 2013–2015 гг. (см. предварительную публикацию избранных текстов: Гиппиус, Седов, 2015; 2016). В настоящей статье публикуются пять надписей, четыре — повторно, в уточненных прочтениях и с новым комментарием, одна — впервые.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»).

¹ Рождественская, 1990; 1991. С. 76, 91–92; 1992. С. 48–72; 1994; 2002; 2003; 2007; 2008. С. 88–90; 2011.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.98-111>

Аннотация. Публикуются пять надписей XII — первой половины XIII в. Среди них автограф дьяка новгородского женского монастыря св. Иоанна Предтечи, с древнейшим упоминанием особого названия этой обители — «Росткин монастырь»; надписи Созонта и Сергия с самоуничижительными эпитетами *лютыи*, *тативыи* и *кражии*; стихотворная похвала «кривому», но грамотному дьяку Путиле, в которой яркие диалектные особенности сочетаются с книжной синтаксической конструкцией; редкая в древнерусской храмовой эпиграфике доведенная до конца азбука-граффито. Первые четыре надписи публикуются с существенными поправками, пятая издается впервые.

Ключевые слова: Древняя Русь, XII–XIII вв., Новгород, Юрьев монастырь, Георгиевский собор, Росткин монастырь, эпиграфика, граффити, *јоса монахогит*, стихосложение.

Алексей Алексеевич Гиппиус — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066; ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; agippius@mail.ru.

Савва Михайлович Михеев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация, 119334; Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, mikheev@gmail.com.

В статье использован формуляр, разработанный для публикации эпиграфических памятников, со следующими условными обозначениями при передаче текстов: в квадратные скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

Все представленные ниже надписи выполнены по штукатурке XII в. в технике граффити, то есть процарапаны. Все они обследовались нами в 2010–2019 гг.

№ 1 (илл. 1)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 10-ой ступенью, 138 см над ступенью.

Издания: (без илл.) *Рождественская*, 1991. С. 92, № 49.

Сохранность: В левой части граффито утрачена поверхность штукатурки, где должны были находиться начальные буквы третьей и четвертой строк, а также верхняя часть начальных букв пятой строки надписи (приблизительно по две буквы в каждой из этих строк). Другое повреждение пришлось на следующие две (?) буквы четвертой строки. Имеются иные незначительные утраты.

Текст:

Федоръ ѿ
диакъ стго
Ивана Росто
(ки)на мана(ы)р[а]
---[м]ъ е[с]ть же
-[о]рка църница

Орфография: «Бытовая» (ѣ → о 1/3)¹. См. также комментарий.

Перевод: 'Писал Федор, дьякон Росткина монастыря святого Иоанна ... А есть ...'

Датировка: Внестратиграф. [1120–1200]².

¹ «Бытовая» орфография — смешение ѣ с о и ѣ с е.

² Датировочные признаки: жс ІаІ «прямая звезда» <1200 (<1120); язык: редуцированные двойко <1300 (1120–1300) (1:1).

Здесь и ниже для датировки используется методика А. А. Зализняка (2000; 2015).

Комментарий: В предварительной публикации Т. В. Рождественской были прочитаны только отдельные фрагменты данной надписи, включая слова *Федоръ, диакъ, манастиръ* и *църница*³.

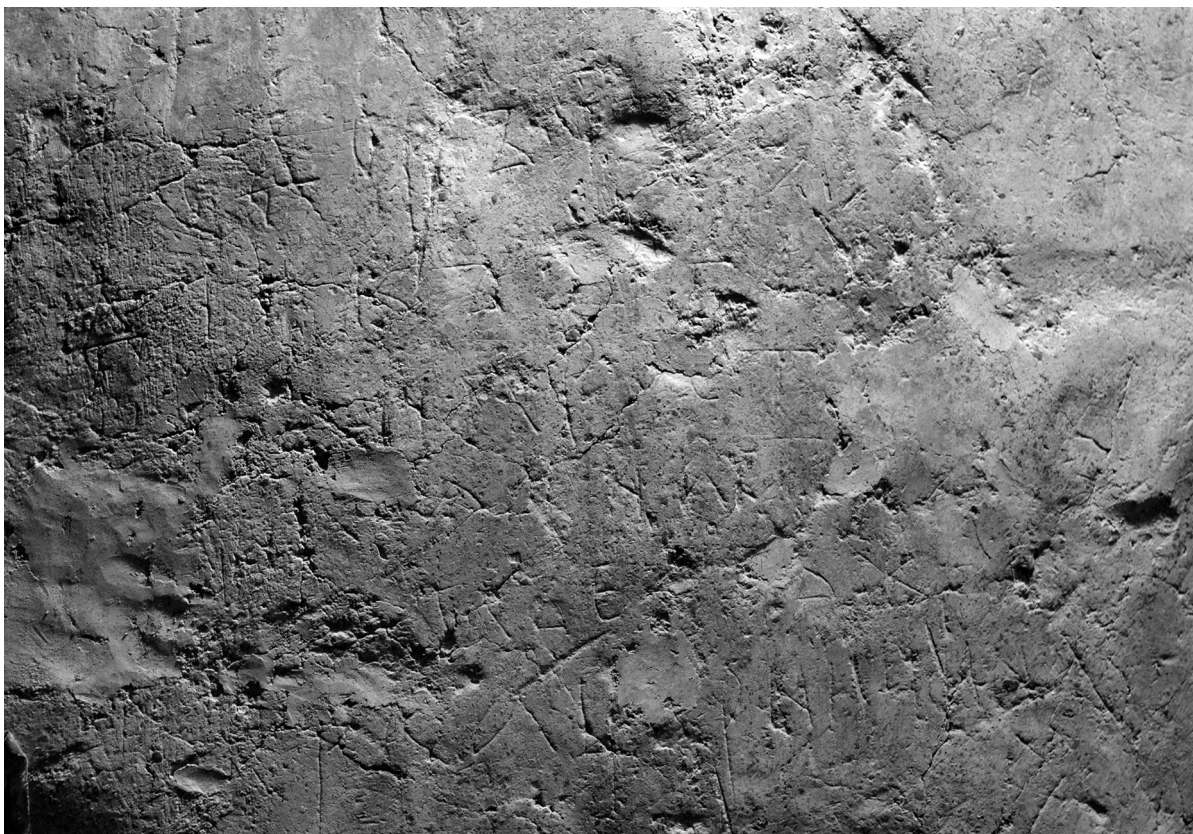
Граффито содержит ценную историческую информацию: перед нами самое раннее упоминание названия *Ростъкинъ*, которое носил новгородский женский монастырь святого Иоанна Предтечи на Росткиной улице. Первое летописное упоминание Иоанновского монастыря относится к 1179 г.: в старшем изводе Новгородской первой летописи под 6687 г. сообщается о смерти игуменьи св. Иоанна Елисавы и о поставлении новой — Фегнии⁴. Под 6898 (1390) г. впервые упоминается Росткина улица (в первой выборке Новгородской Карамзинской летописи), а под 6904 (1396) г. и далее под 6914 (1406) г. в Новгородской первой летописи наименование *Ростъкинъ* (в др. списке — *Ростъкинъ, сь*) употребляется по отношению к Иоанновскому монастырю⁵.

Имя *Ростъка* теоретически может быть как женским, так и мужским, однако для мужских имен с суффиксом -ък- женский морфологический род в раннедревнерусский период нехарактерен (см.: Зализняк, 2004. С. 209–210). Следует полагать, что монастырь был назван по мирскому имени ктиторессы (то есть основательницы или более поздней вкладчицы) и / или первой игуменьи, которую звали *Ростъка* (ср. киевский

³ Чтение Т. В. Рождественской: [ѣ]доръ | д[и]акъ [п]о[н]--анаръ--сто[л]--- мана[с]т--р | ---- б[ѣ]се | [р]ука църница 'Федор, дьяк, пономарь (?) святого... монастыря... боже... рука черницына'.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 36.

⁵ Под 6898 г. говорится об окончании строительства церкви свв. Константина и Елены «на Росткинѣ улицѣ» (ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. Я. С. Лурье. СПб.: Д. Буланин, 2002. С. 92), под 6904 г. — о пожаре деревянной церкви св. Иоанна «въ Ростъкинѣ (вар. Ростъкинѣ) манастиръ», а под 6914 г. — о завершении строительства каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи «въ Ростъкинѣ (вар. Ростъкинѣ) монастыри» (Новгородская первая летопись... С. 388, 399.). Ср. также: Анкудинов, 2007. С. 12; Секретарь, 2009 о Росткином монастыре.

• Илл. 1. Надпись № 1. Фотография авторов, 2010 г.

Янчин монастырь св. Андрея, основанный Янкой, дочерью Всеволода Ярославича); название же улицы, будучи формально деантропонимным, произведено от названия монастыря, подобно названию Павловой улицы на Торговой стороне, названной по примыкавшему к ней Павлову монастырю (см. об этой модели в названиях новгородских улиц: *Васильев*, 2005. С. 360).

Согласно В. Л. Васильеву (2005. С. 346–347; 2012. С. 271–272), имя *Ростѣка* может либо быть усеченной формой композита типа *Ростислава*, либо представлять собой самостоятельное имя, образованное от апеллятива (исследователь указывает на новгородские диалектные лексемы *рост* и *ростѧ* ‘росток’ и смоленское *росткѧ* ‘веточка, отросток’). Имя *Ростислава* известно в качестве княжеского, парного к распространенному мужскому княжескому имени. Его, в частности, носила дочь Мстислава Мстиславича Удатного¹.

¹ Ср.: *Литвина, Успенский*, 2006. С. 242. То же имя, согласно В. Н. Татищеву (1774. С. 124), носила дочь Андрея Юрье-

вича Боголюбского, отданная им за Святослава Владимировича Вщижского. Это татищевское известие не критически принимают, в частности, Р. В. Зотов (1893. С. 266) и, вслед за ним, Н. А. фон Баумгартен (*Baumgarten*, 1928. Р. 18 (tabl. IV), 27 (tabl. VI)). Благодарим Д. Домбровского за консультацию по этому вопросу.

² Датировка юрьевской надписи свидетельствует против отождествления Ростки с Ростиславой Мстиславной, которая гипотетически могла постричься в этот монастырь после разрыва брака с Ярославом Всеволодичем, случившегося во время войны Ярослава с новгородцами в 1215–1216 гг. Впрочем, предположение о нетождественности этой жены Ярослава с Феодосией–Евфросинией, матерью всех Ярославичей, поддерживается не всеми исследователями (подробнее см.: *Домбровский*, 2015. С. 580–586).

• Илл. 2. Надпись № 2. Склейка из двух фотографий Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.

ствует: имена с корнем *рост-* встречаются в берестяных грамотах XII в. (*Ростихъ* 160, *Ростила* Торж. 8), делая более вероятной принадлежность Ростки к одному из боярских родов Новгорода.

Можно даже предположить, что это был за род. Обратим внимание на имя умершей в 1179 г. игуменьи — Елисава. Для монахини монастыря, посвященного Рождеству Иоанна Предтечи, оно кажется неслучайным, неизбежно вызывая в памяти имена родителей евангельского пророка — Захарии и Елизаветы. Иоанновский монастырь находился в южной части Неревского конца. К неревскому боярству безусловно принадлежали посадник Захария (1160–1167) и его сын Иванко Захарьинич (1171–1175) (*Янин*, 1991. С. 11–12; *Янин, Зализняк*, 1993. С. 13, 182–183). Назвав сына Иваном, Захария очевидным образом опирался на евангельский образец. Судьбе было угодно развить эту параллель: подобно своему святому покровителю, убитому «между жертвенником и святилищем» (Мф. 23: 25) во время служения в Иерусалимском храме, Захария был убит в 1167 г., исполняя должность посадника. Не был ли Иоанновский монастырь основан его вдовой, принявшей постриг под именем Елисава и ставшей первой игуменьей обители? Параллель к реконструируемой ситуации представляет основание в 1237 г. вдовой убитого в 1230 г. Семена Борисовича монастыря при церкви св. Павла, построенной ее мужем в 1224 г. (ср. сказанное выше о сходстве названий Росткиной и Павловой улиц)¹.

Содержание двух последних строк надписи, из-за повреждения их левых частей, может

быть лишь предметом реконструкции. Частица *же*, читаемая в конце пятой строки, могла стоять только на второй позиции во фразе, следовательно, предшествующий ей глагол *е[с]ть* начинает новое предложение, а на *-[м]ь* заканчивалось последнее слово первой фразы. Это могло быть, например, наречие (*пр[а]мь*, употребленное в значении 'прямым названием, попросту'². Перевод фразы будет в этом случае следующим: 'Писал Федор, дьякон [монастыря] святого Ивана, попросту — Росткина монастыря'.

От буквы перед *р* в шестой строке сохранился низ, который может принадлежать *о* или *ѡ*.

² Это значение выступает, на наш взгляд, в следующем контексте из «Вопрошания Кирика», вызывающем затруднения у лексикографов: «А зерно *горюющее пр[а]мь рече синапръ*» (вар. *синапръ, синапь*) 'А «зерно горюющее» — это попросту синапь' (Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А. С. Павлов]. Изд. 2-е. Ч. 1: (Памятники XI–XV в.). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 30). Евангельское выражение Нифонт толкует, используя грецизм *синапь* (σινάπις), по-видимому, достаточно освоенный в древнерусском (ср. болг. *синап* 'горчица'). Ср. толкование слова *пр[а]мь* в этом контексте в исторических словарях: «подлинно (?)» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Стб. 1719); без интерпретации (Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г. А. Богатова. Вып. 21: (Прочный — Раскидати). М.: Наука, 1995. С. 31); «в действительности, на самом деле» (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. В. Б. Крысько. Т. IX: (провадити — ражьзиза мь). М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 293).

¹ Подробнее см.: *Гунтус*, 2020б.

При выборе первой возможности можно прочесть [Го]рка *цѣрницина* (ср. Лисицкий монастырь Рождества Богородицы, находившийся на Лисичьей горке). Но никакой «горки» или сколько-нибудь выраженного возвышения рельеф Новгорода в местности, где находился Росткин монастырь, не содержит. Читая проблемную букву как *ѣ* и допуская, вслед за Т. В. Рождественской, пропуск гласного в слове *рука*, можно восстановить фразу *Е[с]ть же ѿ [тѣ] р<у>ка цѣрницина* — сообщение о нахождении в монастыре соответствующей реликвии¹. Можно прочесть и *р<а>ка цѣрницина* — в этом случае речь будет идти о гробе основательницы монастыря. Не станем обсуждать плюсы и минусы этих и других возможных версий — все они носят сугубо гадательный характер. Приходится признать, что нетривиальная информация, которую заключало в себе окончание граффито, для нас безвозвратно утрачена.

№ 2 (илл. 2)

Местоположение: Лестничная башня, стена, над 24-ой ступенью, 121 см над ступенью.

Издания: (без илл.) *Рождественская*, 1990. С. 54; (без илл.) *Рождественская*, 1991. С. 76, № 9; (прорись левой части надписи) *Рождественская*, 1992. С. 52–53, № 3; (без илл.) *Рождественская*, 2002. С. 55–56; (прорись 1-ой строки и левой части 2-ой строки) *Рождественская*, 2003.

Литература: *Рождественская*, 2008. С. 89–90; *Михеев*, 2012. С. 86 (прим. 10); 2014. С. 53–54.

Сохранность: Поверхность штукатурки с правым краем надписи утрачена.

Текст:

**а се Созонте ѿлъ лютъи
а се Съръ[г]и[ѿ] ѿлъ [т]атив...**

¹ Обороты «есть же ту» и «ту же есть» постоянно встречаются в древнерусских хожениях, вводя упоминания святых мест и реликвий. Так, в Хожении игумена Даниила находим: «есть же ту поуть мимо Вифлеомъ»; «есть же тоу у моря камень великъ...»; «и тоу же есть гробъ ег(о) въ олтарѣ» и др., в Хожении Антония: «ту же ес(тъ) во олтарѣ телѣга сребряна Константина и Елены...», «и ту же ес(тъ) труба мѣдная ерихоньскаго взятія Ис(ус)а Навгина» и т. д. (примеры из древнерусского подкорпуса НКРЯ).

Оформление: Лигатуры: *те* (1-ая строка), *ти* (2-ая строка). Треугольные засечки (?): *[т]* (2-ая строка).

Орфография: В 1-ой строке надписи соблюдена стандартная орфография. Об орфографии 2-ой строки см. комментарий.

Перевод: «А это писал Созонт лютый. А это писал Сергей-грабитель».

Датировка: Совокупная внестратиграфическая датировка вместе с граффито № 3, выполненным тем же почерком, что и вторая строка рассматриваемой надписи: [1160–1200]².

Комментарий: Т. В. Рождественская прочла в данной надписи следующий текст: *а се Созонте ѿлъ лютъи ѿ а се Съръ[г]и[ѿ] ...*, отметив, что первая и вторая строки, по-видимому, выполнены одним почерком (ср.: *Рождественская*, 2003. С. 339). Руке Созонта, выполнившего первую строку данной надписи, принадлежит также соседняя надпись *а се Созонте ѿлъ к[р]ажи* (№ 3). Единство почерка всего этого комплекса как будто бы подтверждается использованием лигатур *те* и *ти* в разных строках надписи № 2 (в словах *Созонте* и *[т]атив...*), а также эффектом «телескопического» нарастания величины букв, выражающим, по всей видимости, фразовый акцент на колоритных определениях *[т]атив...* (в конце второй строки надписи № 2) — вероятно, *тативъи* «склонный к воровству, разбою» — и *кражи* (в надписи № 3). Однако предположение о единстве почерка вступает в слишком резкое противоречие с формуляром надписей, предполагающим, что мы имеем дело с автографами двух лиц. О том, что писали двое, говорит и такая деталь, как отсутствие засечек у *е* и *с* в строке с именем Сергия (в обеих записях с именем Созонта они есть). Полагаем поэтому, что надписи сделаны хотя и близкими, но разными почерками, а одинаковый эффект разрастания букв объясняется ориентацией писавших друг на друга (см. комментарий к надписи № 3).

² Графика: *ѿ* → *ѿ* <1180 (<1140) (?); *а* IIб «выпуклые (плосковерхие)» 1100> (<1420), *жс* Ia1 «прямая звезда» <1200 (<1120), *з* 4 «хвост мало выступает из строки» 1100> (1100–1340), *л* 1 «покрытие» <1360 (<1280), *т* 2 «без боковых засечек» (1120–1300), *ѿ* Ib «низкая перемычка» 1160> (1320>).

• Илл. 3. Надпись № 3. Склейка из двух фотографий Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.

Под второй строкой надписи приписаны три или четыре глаголических буквы, не складывающиеся в слова (см.: Михеев, 2012. С. 85–86, № 22): вероятно, Созонт или Сергей упражнялись в написании букв древнейшей славянской азбуки.

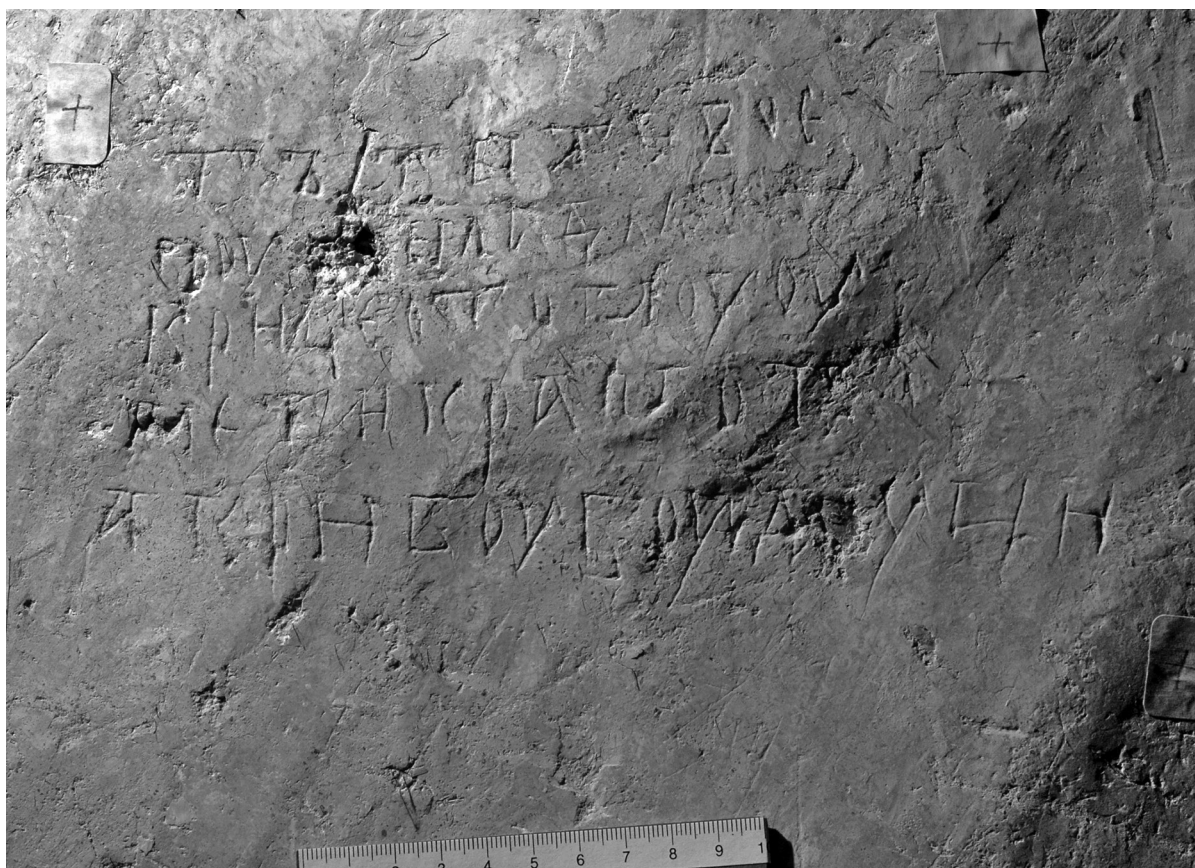
Оба знака для редуцированных в имени *Сѣрь[з]и[и]* опознаются не вполне уверенно: и там и там это может быть не ъ, а ѣ. Первый знак имеет сверху очень слабо прочерченный отворот влево, а у второго имеется четкий и глубокий отворот, который несколько отличается от остальных штрихов надписи своими очертаниями — возможно, это случайная царапина. Указанные сложности затрудняют интерпретацию орфографии записи Сергия. Эта запись контрастирует с показаниями книжных памятников XI–XII вв., в которых основа имени регулярно записывается как *Сер(')ги-* (Остромирово евангелие: *Сер'га* 228b₂, Архангельское евангелие 1092 г.: *Сергия* 133v₉, Минея 1096 г.: *Сергия*, *Сергий*, *Сергия* 12v_{8r}, 12v_{11r}, 12v_{16r} и др., Мстиславо евангелие: *Сер'гия* 171a25)¹.

¹ См.: Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Востоков. СПб.: В тип. Импер. Акад. Наук, 1843; Архангельское Евангелие 1092 года. М.: Румянцевский музей, 1912; Архангельское евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова; отв. ред. Т. Л. Миронова. М.: Скрипторий, 1997. С. 308; Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1886. (Памятники древнерусского языка. Т. I.) С. 43. Фотокопия Мстиславо евангелия представлена на сайте ГИМ (URL: blog.mediashm.ru/?p=4262). Добавим, что в издании Мстиславо евангелия паерок отсутствует (Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимиров, Н. П. Панкратова.

Паерки в Остромировом и Мстиславо евангелиях показывают, что в восточнославянском книжном произношении имя, содержащее невозможное до падения редуцированных сочетание типа *tert*, было адаптировано путем вставки неорганического ъ: *Сѣрьгии*. При этом ѣ между *р* и *г* был бы в этом слове фонетически неуместен: после слога с передним гласным и перед мягким [г'] в это время возможен только ъ. Написание *Сѣр-* вместо *Сер-* в юрьевской надписи можно было бы объяснить «бытовой» орфографией — в данном случае заменой *е* → ъ. Нельзя в то же время исключать, что за возможным *Сѣрьгии* стоит произношение [s'ьg'ьg'ьjь] и что мы имеем дело с субституцией группы *tert* в заимствованном имени новгородским рефлексом сочетания редуцированного с плавным. Такая субституция представлена в ряде не книжных заимствований, в частности, в названии тюленя *вѣръвонъ* (из др.-швед. *narhval*), встретившемся в берестяной грамоте № 1116 первой половины XII в. (см.: *Funniys*, 2020a. С. 26–27, там же о других примерах). Итак, возможная запись *Сѣрь[з]и[и]* может быть трактована либо как <Сѣрьгии>, либо как <Сѣрьгии> с «бытовой» заменой *е* → ъ; запись *Сѣръ[з]и[и]* была бы явно одноеровой (то есть использующей графическую замену ъ → ѣ) записью формы <Сѣрьгии>; а записи *Сѣръ[з]и[и]* и *Сѣрь[з]и[и]* следовало бы трактовать как <Сѣрьгии> с непоследовательной одноеровой графикой².

Под ред. Л. П. Жуковской. М.: Наука, 1983. С. 229).

² Сочетание одноеровой и «бытовой» графико-орфографических систем в одном и том же тексте представлено только в берестяной грамоте № 866, датируемой второй четвертью XII в. и, согласно А. А. Зализняку (2004. С. 28), отражающей переходную фазу от одного принципа к другому.

• Илл. 4. Надпись № 4. Фотография Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.

№ 3 (илл. 3)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 24-ой ступенью, 146 см над ступенью.

Издания: (прорись левой части надписи) Рождественская, 1992. С. 53–54, № 4; (прорись левой части надписи) Рождественская, 2003. С. 339, 344.

Текст:

а се Созонте ѿль к[р]ажи

Датировка: См. № 2.

Перевод: 'А это писал Созонт-ворюга'.

Комментарий: В отличие от частично выполненной тем же почерком соседней надписи № 2, здесь имя *Созонте* написано без лигатуры.

Чрезвычайный интерес представляет слово *кражи*. Вне контекста его можно было бы трактовать только как И. мн. от *кража*, реконструируя недописанное сочетание типа *кражи творя*. Однако окончание *-и* в этой позиции для новгородских текстов раннедревнерусского периода совершенно не характерно. Между тем соседство с автографами Созонта и Сергия в надписи

№ 2 заставляет видеть в *кражи* форму И. ед. муж. прилагательного, параллельную формам *лютыи* и *тативыи*. Такая возможность действительно имеется. Перед нами, по-видимому, записанная со стяжением **ьъ* в *и* форма *кражи* — компаратив на **ьъ* от прилагательного *крадъкъи* 'склонный к воровству' (ср. *падкий*, *вязкий*). Последнее, хотя и не зафиксировано историческими и диалектными словарями, несомненно, существовало в языке, отразившись в образованном от него наречии *крадко* 'скрытно, тайно'. Замечательно, что наряду с последним, но намного чаще фиксируется вариант *крадче*, *крадчи*, представляющий собой исторически форму сравнительной степени¹. В соседстве с *тативыи* компаратив *кражи* следует, по-видимому, понимать буквально, как 'в высшей степени склонный

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 15: Кортусы — Куделюшки. Л.: Наука, 1979. С. 160–161.

к воровству' или попросту 'ворюга'.

Надписи Созонта и Сергия с тремя самоуничижительными эпитетами входят в один ряд с еще одной надписью из лестничной башни Георгиевского собора: *Фока ѡгал[ъ] грѣшны тать погребѣныи* (Рождественская, 2011. С. 259–260). Ср. также молитвенную надпись-граффито, оканчивающуюся словами *Григориа тата*, в Софии Киевской (Высоцкий, 1976. С. 106. табл. СХVI: 2, СХVII: 2, № 226). Элемент гиперболы, который, возможно, несут в себе и эти одиночные надписи, в рассматриваемом комплексе выступает на первый план, приобретая ярко выраженный игровой характер. Перед нами своего рода состязание в самобичевании. Ход этого состязания можно попытаться восстановить. Его открывает первая надпись Созонта, в которой он выступает как «лютый». Размер букв в этом слове хоть и незначительно, но превосходит высоту письма в начале надписи. Подхватывая поданный пример, Сергей называет себя «тативым». Можно думать, что под «татьбой» имеется в виду разбой, сопряженный с насилием, что корреспондирует с «лютостью» Созонта. При этом в автографе Сергия эффект «телескопа», лишь намеченный Созонтом, выступает уже во всю мощь. Увидев, как лихо Сергей продолжил его начинание, и не желая оставаться в долгу, Созонт делает вторую надпись. Отталкиваясь от определения *тативыи*, которое может быть истолковано и как 'вороватый', он использует синоним этого прилагательного, причем в сравнительной степени, интенсифицируя таким образом это значение, что подчеркнуто и графической эмфазой — на этот раз того же масштаба, что и в надписи Сергия. В своем стремлении перещеголять друг друга авторы надписей используют как лексические средства, подбирая самые хлесткие определения, так и зрительные эффекты оформления текста. Возможно, частью их состязания была и начатая под автографом Сергия глаголическая надпись. Комплекс в целом представляет собой замечательный образец культуры «монашеских игр», *josa monachorum*, оставившей и другие следы в древнерусской эпиграфике.

№ 4 (илл. 4)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 35-ой ступенью, 140 см над ступенью.

Издания: (фото) Рождественская, 2007.

Текст:

**тъ ти тиво е
Поу(т)ила д[ѡаке]
крице о томоу оу=
мети крамот[ѡ]
а кривоу боуд(о)уци**

5

Орфография: Стандартная, с одним отклонением (*тъ <то>*); *ъ* → *е* (1×).

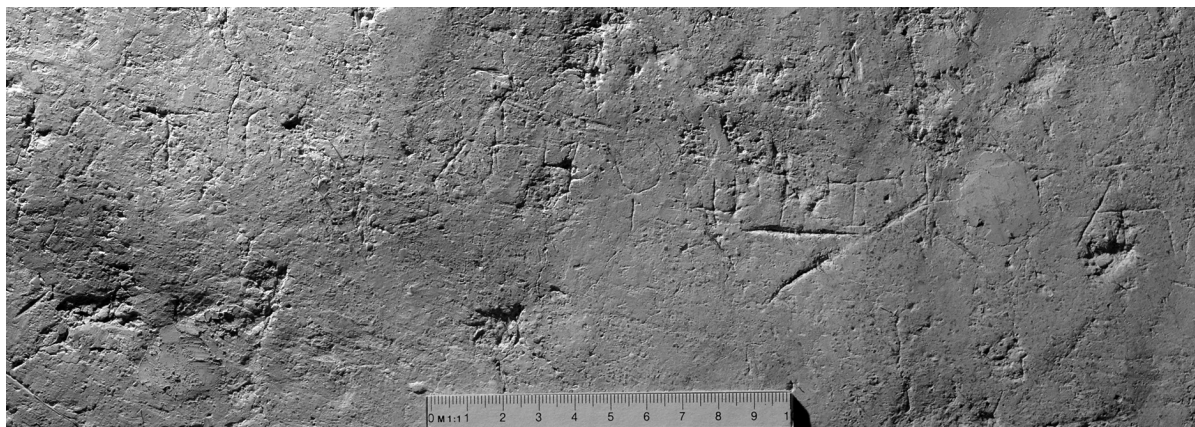
Датировка: Палеограф. до [1320], предпочт. до [1220]¹.

Перевод: 'Вот ведь диво — кривой дьяк Путила! О, он знает грамоту, при том что крив!'

Комментарий: Чтение *тиво* в первой строке принято в корректурном примечании к статье Т. В. Рождественской, с предположением, что *т* в этом слове переправлено на *д*. Изучение надписи не обнаруживает, однако, достоверных следов правки. В третьей строке по фотографиям и трехмерной модели надежно читается *крице* (у Т. В. Рождественской — *криве*). Это слово мы трактуем как записанную с пропуском слога форму И. ед. *кри<въ>це*, соответствующую наддиалектному *кривыць*². Диалектное окончание *-е* закономерно для слова с основой на свистящий, возникший по третьей палатализации, исторически принадлежащего к твердому варианту о-склонения (см.: *Зализняк*, 2004. С. 103–104; в последнее время круг ранних примеров с окончанием *-е* у слов этой группы пополнился важным примером *жѣръце* в граффито XI в. из Софии Новгородской (*Gippius*, 2018. Р. 186 (f.n. 8))). Менее вероятно, что конечный *е* в этом слове объясняется «бытовой» заменой *ь* → *е*: за исключением начального *тъ <то>*, орфография надписи является стандартной (*тиво <диво>*, *дѡаке*, *томоу*, *крамотѡ*). На конце четвертой строки предположительно читается буква *ѡ*, при том что в остальных пяти случаях */у/* обозначается как *оу*. Такое употребление может объясняться знакомством автора надписи с книжной практикой использования *ѡ* как «узкой» графе-

¹ Б 2 «открытая петля» <1380 (<1240), в 3б «верх шире низа» <1320 (<1220), К II «IC-образные», К за «верх. засечка на мачте (длинная)» <1320 (<1300); графика: *ѡ* <1240 (?)».

² Другая возможность состоит в том, что необозначенным остался неслоговой [ц] в [kr'іцс'е], возникший после падения редуцированного (← [kr'іw'ьс'е]).

• Илл. 5. Правая часть надписи № 5. Фотография Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.

мы на конце строки (см. о ней: Мольков, 2020. С. 344–361).

С указанной конъектурой, в стандартной орфографии, но с сохранением диалектной окраски, текст надписи будет иметь вид: <То тиво е — Путила дьяке кривьце. О тому умѣти крмоту, а криву будуци!>. Текст можно понять как посвященный «кривому» грамотею Путиле кем-то из монастырской братии или как «авто-эпиграмму» самого Путилы. К первой трактовке склоняет присутствие на столбе лестничной башни автографа Путилы: *Пѣтила ѿѣ*, с лигатурой *ѿѣ*. Он находится над 48-ой ступенью и, по всей видимости, выполнен иной рукой (Рождественская, 1992. С. 62–63, № 7; 2007. С. 785–786, № 2). Впрочем, имя *Путила* не принадлежит к числу редких, и надписи вполне могут быть связаны с разными лицами.

Ярчайшая фонетическая особенность надписи — непозиционная замена звонких согласных глухими: *тиво* вместо *диво* и *крмотѣ* вместо *грамотѣ*. Т. В. Рождественская (Рождественская, 2007. С. 784), рассматривая только второй случай, приводит параллели: *кратику* в Житии Феодора Студита (Выголексинский сборник XII в. галицко-волынского происхождения (л. 39)¹ и *кратикѣ* в болгарской надписи XIII в. из-под Варны (Popkonstantinov, Kronsteiner, 1997. С. 89–92). Однако присутствие в тексте сразу двух однородных примеров показывает, что

мы имеем дело с фонетическим явлением. Действительно, в берестяных грамотах и некоторых других текстах северо-западной локализации представлена окказиональная непозиционная мена глухих и звонких согласных, заключающаяся преимущественно в замене звонких глухими (см.: Колесов, 1963; Бобрик, 2014. С. 197–198). Природа этой мены не до конца ясна (она может отражать влияние прибалтийско-финского субстрата и / или быть связанной с противопоставлением согласных по признаку напряженности / ненапряженности, а не глухости / звонкости). Примечательно, однако, что в тексте надписи данное явление обнаруживается в тех случаях, где этимологически «неправильное» звуко сочетание находит поддержку в контексте: *то тиво е Путила, кривьце... крмотѣ а кривоу* (ср. сохранение звонких в *дьяке* и *будуци*). Этот аллитерационный эффект выдает поэтический характер текста, обнаруживающий себя и на других уровнях. Чтобы убедиться в этом, еще раз приведем текст граффито в стандартной орфографии, разбив его на стихи и полустихия:

То ти тиво е: | Путила дьяке кривьце.
О тому умѣти крмоту, | а криву будуци!

Помимо уже отмеченных аллитераций, укажем на одинаковый исход на *-е* в трех словах первого стиха (*тиво е* — *дьяке кривьце*), созвучие окончаний первого и второго стихов (*кривьце* — *будуци*), аранжировку на *у* во втором стихе. Особенно изысканно организовано в фонетическом отношении образующее риторическую кульминацию текста первое по-

¹ Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1977. С. 145.

лустишие второго стиха, в котором созвучные сочетания образуют прихотливо подобранные хиазмы: *тому — умѣти, тому — грамоту*.

Эти эвфонические эффекты достигаются за счет комбинации элементов, принадлежащих разным языковым регистрам. Исход на -е трех слов первого стиха обеспечивается выбором диалектных морфологических вариантов: *е* — *дѣяке кри<въ>це* (ср. соотношение наддиалектных вариантов *есть* — *дѣякъ кривѣць*, при котором этот эффект отсутствует). Консонантное созвучие с *кри<въ>це* создает отражение цоканья в *будуци*. Возможности диалектной фонетики автор использует, как мы видели, и в аллитерациях, основанных на замене звонких согласных глухими. При этом кульминационное первое полустихие второго стиха содержит сугубо книжную синтаксическую конструкцию. Заметим, что эта фраза устроена непросто: форма дательного падежа *тому* является субъектом при инфинитиве *умѣти*, одновременно занимая позицию *dativus exclamationis* при междометии *о*. Ср. использование этого оборота в Несторовом «Чтении о Борисе и Глебе»: «О блаженному гробу, идеже лежить богатство некрадомо! О чествому гробу, из негоже текуть источници цѣльбамъ неоскудѣюще!» и т. д.¹ Примечательно также, что если буква *ж* в конце четвертой строки прочитана верно, то автор избрал для глагола *умѣти* не обычную модель управления дательным падежом (*умѣти грамотѣ, книгамѣ*), но более редкое в раннедревнерусский период сочетание с винительным. Ср. в Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого, где это словосочетание встречается многократно: «Рѣх ти, яко от сего дне дарует ти Господь умѣти грамоту»². Этот выбор как раз и создает отмеченный выше хиазм *тому ... грамоту*.

Использованная автором юрьевской «эпиграммы» поэтическая техника роднит ее с уже

упомянутой надписью из Софийского собора, представляющей собой стихотворное прорицание о судьбе соборного клирика Хотена Носа. В уточненном прочтении сохранившаяся часть этой надписи выглядит так:

... Юга, | ворономъ жърьце,
Хотѣна Носа въ Воротни | цела кажа реце

т. е. '... Юга, жрец воронов, указывая, сказал, что Хотен Нос цел в Воротне'³. И здесь мы видим ту же богатую звукопись, возникающую благодаря соответствующей комбинации диалектных и наддиалектных черт. Служащая решению стихотворных задач языковая гетерогенность является, по-видимому, общим свойством «эпиграфической поэзии» древней Руси, образцы которой счастливым образом сохранились среди церковных граффити⁴.

№ 5 (илл. 5)

Местоположение: Лестничная башня, стена, над 44-ой ступенью, 65 см над ступенью.

Сохранность: Начало надписи, выполненной очень неглубокими штрихами, не читается.

Текст:

(а б в г) [д] (е) ж (з) и ѳ к л м н о [п р] с
т [у] - х ц ч щ ѣ ѿ [ю] ж а

Датировка: Внестратиграф. до [1240], предпocht. [1160–1240]⁵.

¹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг.: Тип. Им.п. Акад. наук, 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2.) С. 25.

² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 299 (л. 294 об.). См. также еще шесть примеров: Там же. С. 298–301 (л. 292 об. – 295 об.).

³ В работе Gippius, 2018 текст граффито был трактован как сохранившийся полностью, а имя прорицателя прочитано как *Яковъ Нога*. Изучение аутентичного слепка надписи, обнаруженного в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, заставило пересмотреть это чтение, признав начало текста утраченным.

⁴ К той же литературно-языковой традиции принадлежат, отражая ее другие грани, надписи № 206 из Софии Новгородской (Медынцева, 1978. С. 150; Gippius, 2017), № 108 из Софии Киевской (Рождественская, 1994. С. 21–24) и новооткрытая надпись из церкви Благовещения на Городище (Gippius, Михеев, 2019. С. 47–48, № 27). Новгородские надписи представляют собой оригинальные гимнографические композиции, основанные на литургических источниках, граффито из Софии Киевской — перекомпонованный и отредактированный фрагмент из переводного гномического текста — «Разумов Варнавы».

⁵ Ц 4 «буква целиком в строке» (1160–1300), ч 1а «чаша / бокальчик» <1420 (<1380); графика: ж <1240.

Комментарий: Надпись выполнена в одну длинную строку.

Азбука, доведенная до конца, представлена только в трех древнерусских настенных граффити домонгольского времени — в рассматриваемой надписи и в двух граффити из Софии Киевской: № 100 (*Высоцкий*, 1976. С. 12–23, 268–269. Табл. III: 1–2) и № 6812 (*Корнієнко*, 2020. С. 295, 408. Табл. ССХІІ: 1).

Состав данной азбуки необычен. Отсутствуют «зело» (или, существенно менее вероятно, «земля»), «фита» (между [у] и х вероятно, стоял «ферт», хотя сохранность граффито не позволяет судить об этом уверенно), «кси», «пси», «от», «ша», «еры» и «ерь». Пропуск тех или иных лишних в славянском письме греческих букв вполне традиционен для древнерусских азбук XI–XIII вв. Отсутствие букв «еры» и «ерь» при сохранении «ер» наблюдается в трех новгородских азбуках на бересте (№ 460, 591, 778)¹.

Список литературы

- Анкудинов И. Ю. Топография новгородских городских и пригородных монастырей XII–XVII вв. // София: издание Новгородской епархии. 2007. № 3. С. 8–13.
- Бобрин М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.
- Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2005. 467 с.
- Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 814 с.
- Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка, 1976. 456 с.
- Гиппиус А. А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41, № 3. Р. 261–282.
- Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020а. № 5. С. 22–37.
- Гиппиус А. А. О возможном происхождении Иоанно-Предтеченского Росткина монастыря // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29) / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2020б. С. 158–167.
- Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // АА. 2019. № 1. С. 35–54.
- Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веки средневековой Руси: Археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478–490.
- Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: Новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 190–208.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.). Изд. испр. и доп. СПб.: Дмитрий Булаин, 2015. 880 с. (Studiorum Slavicorum Orbis; вып. 10).
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова / ред. А. А. Вигасин и др. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.
- Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Зализняк А. А. Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII. Из раскопок 2001–2014 гг. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 276–278.
- Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 9. 1882–1884 гг. СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1893. С. 1–256 (отд. I).
- Колесов В. В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 1, № 2. С. 103–112.
- Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. X, т. 1: Північні сходова вежа та хори. Київ: Горебець, 2020. 488 с.: іл.

¹ Ср. также уникальную азбуку-граффито из Софии Киевской, где после у представлены только буквы ф, х, ш, щ (или ѡ) и ѿ. Подробнее см.: Зализняк, 1999.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. 740 с.: ил.
- Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписи-графити XI–XII веков из Новгорода // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2012. 62. S. 63–99.
- Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.
- Михеев С. М. Миней двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne = Словѣне. 2019. Vol. 8, № 2. С. 7–56.
- Мольков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI — начала XIII века: дис. ... д-ра филолог. наук. СПб., 2020. 494 с.
- Рождественская Т. Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XV вв. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1990. XIV, 2. С. 51–58.
- Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 1991. 96 с.
- Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб.: СПбГУ, 1992. 172 с.
- Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистич. источниковедения): дис. в форме науч. доклада ... д-ра филолог. наук. СПб.: СПбГУ, 1994. 38 с.
- Рождественская Т. В. Глаголическая эпиграфика XI–XII веков в Древней Руси // Палеославистика. Лексикология. Лексикография: тез. междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. С. 54–57.
- Рождественская Т. Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Slavia Orthodoxa. Език и култура: сборник в чест на проф. д-р Румяна Павлова / ред. С. Богданова. София: Св. Климент Охридски, 2003. С. 338–343.
- Рождественская Т. В. «О, тому умети грамоте!..» (надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. T. LVIII / отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2007. С. 780–788.
- Рождественская Т. В. Язык и письменность средневекового Новгорода: Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв.: учебное пособие. СПб.: фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 136 с.
- Рождественская Т. В. Из эпиграфики древнего Новгорода: три граффити из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Библиистика. Славистика. Русистика: к 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева / отв. ред. Е. Л. Алексеева. СПб.: филолог. фак. СПбГУ, 2011. С. 256–266.
- Секретарь Л. А. Росткин [монастырь] // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 324.
- Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М.: Имп. Московский Ун-т, 1774. 6, 530 с.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV веков: хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 384 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.
- Baumgarten N. de. Génalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1928. 94 p. (Orientalia Christiana; vol. IX–1, № 35).
- Gippius A. A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // The Russian Review, 2018. Vol. 77, № 2. P. 183–199.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. 2. Salzburg: Institut für Slawistik der Universität Salzburg, 1997. 256 S. (Die Slawischen Sprachen; Bd. 52).

References

- Ankudinov I. Yu. Topografiya novgorodskikh gorodskikh i prigorodnykh monastirey XII–XVII vv. // Sofiya: izdanie Novgorodskoy eparkhii. 2007. № 3. P. 8–13.
- Baumgarten N. de. Génalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1928. 94 p. (Orientalia Christiana; vol. IX–1, № 35).
- Bobrik M. A. Marginalii k berestyanyam gramotam i pamyatnikam drevnerusskoy epigrafiki // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2014. 2 (28). P. 191–201.
- Gippius A. A. «Zlo viduchi, a dobra ne viduchi»: poetika i grammatika drevneyshego russkogo pokayannogo stikha // Russian Linguistics. 2017. 41, 3. P. 261–282.
- Gippius A. A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // The Russian Review, 2018. Vol. 77, № 2. P. 183–199.
- Gippius A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe // Voprosy yazykoznaniiya. 2020a. 5. P. 22–37.
- Gippius A. A. O vozmozhnom proiskhozhdenii Ioanno-Predtechenskogo Rostkina monastyrya // Novgorodskiy is-

- toricheskiy sbornik. 19 (29) / ed. P. G. Gaydukov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet, 2020b. P. 158–167.
- Gippius A. A., Mikheev S. M. Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche: predvaritel'nyy obzor // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 35–54.
- Gippius A. A., Sedov V. V. Nadpis'-graffito 1198 goda iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: Arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova / ed. P. G. Gaydukov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2015. P. 478–490.
- Gippius A. A., Sedov V. V. Nakhodki v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya: Novye freski i novye nadpisi // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy Akademii nauk. 2015 / ed. V. A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2016. P. 190–208.
- Dombrovskiy D. Genealogiya Mstislavichy: pervye pokoleniya (do nachala XIV v.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015. 880 p. (Studiorum Slavicum Orbis; 10).
- Kolesov V. V. Severnorusskie cheredovaniya soglasnykh, parnykh po glukhosti-zvonkosti // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury. 1963. 1, 2. P. 103–112.
- Kornienko V. V. Korpus grafiti Sofii Kiyivs'koy (XI — pochatok XVIII st.). X, 1: Pivnichni skhodova vezha ta khori. Kiyiv: Gorobets', 2020. 488 p.: il.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponomiki. Moscow: Indrik, 2006. 740 p.: il.
- Medyntseva A. A. Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora: XI–XIV veka. Moscow: Nauka, 1978. 312 p.
- Mikheev S. M. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2012. 62. P. 63–99.
- Mikheev S. M. K probleme atributsii znakov Ryurikovichey // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2014. 4 (58). P. 45–63.
- Mikheev S. M. Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya // Slověne = Slovĕne. 2019. 8, 2. P. 7–56.
- Mol'kov G. A. Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pis'mennosti XI — nachala XIII veka: dis. ... d-ra filolog. nauk. St. Petersburg, 2020. 494 p.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. 2. Salzburg: Institut für Slawistik der Universität Salzburg, 1997. 256 S. (Die Slawischen Sprachen; Bd. 52).
- Rozhdestvenskaya T. Drevnebolgarskaya epigraficheskaya traditsiya i novgorodskaya epigrafika XI–XV vv. // Palaeobulgarica = Starob'lgaristika. 1990. XIV, 2. P. 51–58.
- Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskaya epigrafika X–XV vekov: uchebnoe posobie. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1991. 96 p.
- Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: novye istochniki XI–XV vv. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1992. 172 p.
- Rozhdestvenskaya T. V. Epigraficheskie pamyatniki Drevney Rusi X–XV vv. (problemy lingvisticheskogo istochnikovedeniya): dissertatsiya v forme nauchnogo doklada ... d-ra filologicheskikh nauk. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 38 p.
- Rozhdestvenskaya T. V. Glagolicheskaya epigrafika XI–XII vekov v Drevney Rusi // Paleoslavistika. Leksikologiya. Leksikografiya: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati R. M. Tseytlin, 27–29 noyabrya 2002 g. / ed. A. F. Zhuravlev. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy Akademii nauk, 2002. P. 54–57.
- Rozhdestvenskaya T. Nadpisi s glagolicheskimi bukvami iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Novgorode // Slavia Orthodoxa. Ezik i kultura: sbornik v chest na prof. dfn Rumyana Pavlova / ed. S. Bogdanova. Sofiya: Sv. Kliment Ohridski, 2003. P. 338–343.
- Rozhdestvenskaya T. V. «O, tomu umeti gramote!...» (nadpisi s imenem «Putila» v Georgievskom sobore novgorodskogo Yur'eva monastyrya // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. LVIII / ed. N. V. Ponyrko. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 780–788.
- Rozhdestvenskaya T. V. Yazyk i pis'mennost' srednevekovogo Novgoroda: Bogoslužebnye nadpisi i berestyanye gramoty XI–XV vv.: uchebnoe posobie. St. Petersburg: fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 136 p.
- Rozhdestvenskaya T. V. Iz epigrafiki drevnego Novgoroda: tri graffiti iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Bibleistika. Slavistika. Rusistika: k 70-letiyu zaveduyushchego kafedroy bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva / ed. E. L. Alekseeva. St. Petersburg: filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. P. 256–266.
- Sekretar' L. A. Rostkin [monastyr'] // Velikiy Novgorod: Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: entsiklopedicheskiy slovar' / ed. V. L. Yanin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. P. 324.
- Tatishchev V. N. Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen. 3. Moscow: Imperatorskiy Moskovskiy Universitet, 1774. 6, 530 p.
- Vasil'ev V. L. Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli (Drevneslavyanskije deantroponimnye obrazovaniya). Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet, 2005. 467 p.

- Vasil'ev V. L. Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. 814 p.
- Vysotskij S. A. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoj (Po materialam graffiti XI–XVII vv.). Kiev: Naukova dumka, 1976. 456 p.
- Yanin V. L. Novgorodskie akty XII–XV vekov: khronologicheskij kommentarij. Moscow: Nauka, 1991. 384 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.). Moscow: Nauka, 1993. 352 p.
- Zaliznyak A. A. O drevneyshikh kirillicheskich abetsedariyakh // Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika: sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova / eds. A. A. Vigasin et al. Moscow: OGI, 1999. P. 543–576.
- Zaliznyak A. A. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnesstratigraficheskoe datirovanie // Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste. T. X. Iz raskopok 1990–1996 gg. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnesstratigraficheskoe datirovanie. Moscow: Russkie slovari, 2000. P. 134–429.
- Zaliznyak A. A. Drevnenovgorodskij dialekt. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 872 p.
- Zaliznyak A. A. Korrektivy k tablitsam vnesstratigraficheskogo datirovaniya // Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Novgorodskie gramoty na bereste. T. XII. Iz raskopok 2001–2014 gg. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. P. 276–278.
- Zotov R. V. O chernigovskikh knyaz'yakh po Lyubetskemu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya // Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii. 9. 1882–1884 gg. St. Petersburg: tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1893. P. 1–256.

Illustrations

- Fig. 1. Inscription No. 1. Photograph by the authors, 2010
- Fig. 2. Inscription No. 2. Two photographs by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov glued together, 2007

- Fig. 3. Inscription No. 3. Two photographs by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov glued together, 2007
- Fig. 4. Inscription No. 4. Photograph by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov, 2007
- Fig. 5. Right side of inscription No. 5. Photograph by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov, 2007.

A. A. Gippius, S. M. Mikheev. Some graffiti inscriptions in the staircase tower of St. George's cathedral of Yuriev monastery

Abstract. The authors publish five inscriptions which date from the 12th to the first half of the 13th century. Among those is an autograph of a deacon from the Novgorod convent of St. John the Baptist with the earliest record of “Rostkin” as the common-usage name of that convent; inscriptions of Sozont and Sergius with self-deprecating epithets *liutyi*, *tativyi* and *krazhii*; poetic praise for the “crooked” but literate deacon Putila which displays bookish syntactic patterns yet contains distinctly dialectal phonetic and morphological features; and a fully spelled out alphabet, rarely seen in Old Russian inscriptions. The first four graffiti are published with significant amendments to previous readings, the fifth is published for the first time.

Keywords: Old Russia, 12th–13th centuries, Novgorod, Yuriev monastery, St. George's cathedral, Rostkin convent, epigraphy, graffiti, joca monachorum, poetry.

Gippius Alexey Alexeevich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of philology, leading research fellow, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities (RANEPA), agippius@mail.ru.

Mikheev Savva Mikhailovich, candidate of history, senior research fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities (RANEPA), mikheev@gmail.com.